

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gurevich@rambler.ru

ОТ ДЖОНА ЛОККА – К ЖАНУ БОДРИЙЯРУ (критические заметки об идентичности)

В статье выявляется различие в трактовке понятия идентичности в классической и постмодернистской философии. Автор показывает, что данная тема появилась в истории европейской философии после выхода в свет работ Дж. Локка и Д. Юма. Сложность обозначенной проблемы состоит в том, что она включает в себя два противоположных состояния – тождественность и переменчивость. Локк трактует идентичность прежде всего как некую субстанцию или набор конкретных характеристик, обладающих определённым постоянством. Ставится вопрос: что в процессе идентичности обеспечивает постоянство – личность, духовность, самосознание?

Автор опирается на методы философской антропологии. Используются также приёмы аналитической философии для разработки проблем идентичности.

Впервые в отечественной литературе отмечается, что признаки личности – социализированность, духовность и постоянство во времени – не являются рядоположенными. Эксперты подчёркивают: сегодня никто не хочет быть самим собой. Многим неуютно в собственном теле: они стараются изменить свой пол или изуродовать своё тело, чтобы таким образом отделаться от привычной идентичности. Представители белой расы мечтают об африканском облике, негры – о белизне. Этносы в духе конструктивизма создают новые мифы о своей истории и самоидентичности. Политики консервативной ориентации усваивают риторику либералов, те в свою очередь толкуют о роли традиции и семейных ценностях. Голос крови перекрывается новейшими мифами. Постмодернисты заговорили и о нулевой идентичности. Всё чаще

нам встречается «человек без свойств» (Р. Музиль), индивид с неразвитым сознанием и психикой, что нередко создаёт трудности для атрибуции конкретных людей.

Ключевые слова: человеческая природа, идентичность, тождественность, переменчивость, тело, душа, дух, сознание, личность, социализированность

Князь и башмачник обменялись телами

Парадоксальность понятия идентичности состоит в том, что оно включает в себя два противоположных состояния – тождественность и переменчивость. Можно, разумеется, трактовать это понятие как некую субстанцию или как набор конкретных характеристик, обладающих определённым постоянством. В этом случае акцент будет поставлен на таких чертах, как одинаковость, схожесть, подобие. Но данный феномен нередко осмысливается и как процесс. И тогда особое внимание уделяется трансформации, изменениям, новизне и нетождественности. При таком подходе оказывается, что идентичность обладает лишь мерцающей, условной неизменностью.

В философской классике идентичность трактовалась как обретение постоянства, сходности, похожести. Это соответствовало общей когнитивной установке классической философии – отыскать за множеством различий известное тождество. «Начиная с Аристотеля и вплоть до Гегеля понятие тождества (идентичности в оригинале) использовалось в философии прежде всего в контексте обоснований того, что реальность и процесс её познания, бытие и мышление совпадают. В таком контексте инобытие, различие, многообразие в онтологическом плане считались акциденциями всеобщего и не имели собственного субстанционального значения: их всегда можно было редуцировать к единому самостождественному. Понятие использовалось в обсуждении таких вопросов, как возможность непрерывности при очевидности изменений и тождественности среди наблюдаемого разнообразия» [17, с. 89–90].

Именно в работах Дж. Локка («Опыт о человеческом разумении») и Д. Юма («Трактат о человеческой природе») мы видим, как рождается сомнение в приоритетности эмпиризма и начинает складываться убеждение в том, что конечной целью познания является поиск всеобщности, несменяемости, неизменности. Дж. Локк, касаясь темы идентичности, начинает с такого слова, как вещь. Он приходит к мысли, что две вещи одного и того же рода не могут существовать в одном и том же месте в одном и том же времени. Суждение английского философа неоспоримо: «...одна вещь не может иметь двух начал существования, а две вещи – одного начала» [13, с. 380]. Но вот если речь идёт о мысли, то логика иная. Поскольку она находится в непрерывной цепи последовательности, то вряд ли её можно закрепить, согласно Локку, в одном

и том же месте и времени. Так, английский философ показывает сложность и многомерность самой проблемы, особенно при последовательном познании предметов, живых существ и, наконец, самого человека.

В неживой природе, надо полагать, ничто не стремится к изменению своей сущности. Камень не испытывает стремления стать чем-то иным, например ручьём или деревом. Б. Спиноза, рассуждая на сходную тему, отмечает, что, если камень обладал бы сознанием, он думал бы, что, будучи брошенным, он летит по собственному разумению. Однако камень не обладает ни сознанием, ни волей, поэтому он постоянно находится в собственной идентичности. Да, вода точит камень, но при этом, теряя массу, он всё равно остаётся камнем, до последних песчинок и полного уничтожения.

А. Шопенгауэр наделяет волю онтологическим статусом. По его мнению, всё волит. Цветок пробивается сквозь расщелину скалы. Река ускоряет своё движение. Огонь пожирает сучья. Однако ни цветок, ни река, ни огненная стихия не стремятся быть чем-то иным, нежели их природные сущность и назначение. В рамках немецкого идеализма сохранилось убеждение в том, что воля обладает неоспоримой значимостью при обретении и сохранении индивидуальной самотождественности. По мнению Шопенгауэра, именно воля, а не разум вносит постоянство в признаки идентичности.

Однако если мы размышляем о тождестве предметов, то нужно иметь в виду два хода суждений. В одном случае мы ставим вопрос: хочет ли камень сам по себе, что называется, изнутри, стать чем-то иным. В другом случае мы говорим о предмете как о части чего-то, что называется целостностью. Допустим, дуб не собирается стать берёзкой. Но его масса прирастает: вместо прежнего саженца мы видим большое дерево. Потом по воле человека оно оказывается подрезанным. Во всех этих вариантах дуб остаётся дубом, и ничем иным? Вывод Локка: масса меняется, а дуб остаётся дубом. Так выглядит тождество в его первом приближении. Английский философ в последующем размышлении проводит различие между массой, которая представляет собой разрозненное сцепление материи, и организацией различных частей в растительном мире, в частности у дуба. Вот почему, согласно Локку, дуб сохраняет свою сущность, поскольку в нём поддерживается соотносённость древесины, коры и листьев дуба. Следовательно, индивидуальная жизнь дуба существует в одной и той же непрерывности частей, незаметно сменяющих друг друга и соединённых в растении в живой организм. Это и обеспечивает тождество дуба в отличие, скажем, от других растений.

Теперь вслед за Локком переходим от растений к другим живым организмам. Скажем, жеребёнок стал лошастью. Она в свою очередь может оказаться перекормленной или тощей. Можем ли мы утверждать, что при всех версиях это – лошадь, и ничто иное? Вывод Локка однозначен: «Случай с животными не настолько отличается, чтобы отсюда

нельзя было видеть, что составляет и сохраняет тождество животного» [13, с. 383]. Однако по отношению к человеку эти утверждения теряют свою ценность. Человек, прежде всего, обладает сознанием. Да и сам наделён сложной структурой. Действительно, что является основой идентичности человека? По мнению З. Фрейда, таким фундаментом служит тело. Но в человеке есть ещё душа и дух. Они тоже являются индикаторами человеческой идентичности.

Поэтому, утверждает Дж. Локк, трудно признать одним и тем же человеком зародыш и взрослого, сумасшедшего и здравомыслящего. И уж совсем недопустимо полагать, что Сиф, Измаил, Сократ и Пилат, св. Августин и Чезаре Борджиа были одним и тем же человеком. Иначе говоря, человек обладает самобытностью, уникальностью. Анализировать конкретного человека невозможно по одним и тем же лекалам. Можно, к примеру, помыслить тождество одной только души у разных людей. Однако ничто, по мнению Локка, не мешает одному и тому же отдельному духу соединиться с разными телами. Философ критически относится к идее метемпсихоза. Но даже если допустить такое превращение конкретного индивида в животное, то никому не придёт в голову считать, допустим, эту свинью человеком.

Что же вытекает из этих суждений? Локк утверждает, что не единство субстанции охватывает все виды тождества. Философ показывает, что «лицо», «человек» и «субстанция» обозначают три разные идеи. Если судить по внешнему облику, то можно, к примеру, назвать человеком такого индивида, у которого разума не больше, чем у кошки или у попугая. Казалось бы, такой ход рассуждений должен подвести английского философа к мысли о муках идентичности. Ведь если тождество человека определяется разными слагаемыми (телом, душой, духом) и эти компоненты трудно сочетаются, то, стало быть, всякое тождество может оказаться непрочным, эфемерным, противоречивым. Или, может быть, в индивиде можно обнаружить некий фактор, который скрепляет эту разнородность? Ход мысли Дж. Локка именно таков. Говорящий попугай, размышляет он, может быть и разумен, но он не обладает обликом человека. «А если *идея человека* именно такова, то в его *тождество* наравне с тем же самым бестелесным духом входит то самое тело, которое изменяется не сразу, но постепенно» [13, с. 386]. Дж. Локк вместе с тем отмечает не столько различие разных составляющих идеи человека, сколько озабочен поиском их тождества. Критерием такого скрепления оказывается у Локка понятие личности.

Итак, в историко-философской традиции выработались два критерия выявления тождества личности. Согласно первому критерию, необходимым и достаточным условием тождества личности является телесное тождество, согласно второму критерию – тождество состояний сознания. В большинстве случаев эти критерии дополняют друг друга. Но возможны конфликтные ситуации (например, описанный

Дж. Локком случай «обмена» телами между сапожником и принцем). Тогда возникает вопрос, какой же критерий – телесный или духовный – получает приоритет?

Проблема осложняется тем, что во многих философских учениях связь сознания и тела признаётся случайной. Например, Локк определяет личность как мыслящее, интеллигибельное существо, обладающее не только сознанием, но и самосознанием, которое позволяет индивиду рассматривать себя как одну и ту же мыслящую вещь, в разное время занимающую различные положения в пространстве [13, с. 387]. Несмотря на то, что в обыденном языке слова «человек» и «личность» употребляются как синонимы, Локк считает, что этим двум выражениям соответствуют разные идеи: личность относится к рациональному «я», а «человек» – просто к физическому телу. Разумного попугая, рассуждает Локк, нельзя назвать человеком, а неразумный человек – всё же человек. Однако попугай может быть личностью, а идиот не может.

Личность, по мнению Локка, не может быть определена как разумный человек, ибо телесная форма не является частью значения «личности». Личность должна иметь своим денотатом что-то нетелесное и невидимое. И поэтому, доказывает Локк, нет двух различных критериев отождествления личности, но есть две сущности, каждая из которых имеет свой собственный критерий идентичности. Тождество личности есть просто тождество сознания, и если человек осознаёт себя той же личностью, то он и остаётся ею, несмотря на самые кардинальные изменения его тела.

Согласно Локку, тождество человека определяется сознанием. «Так как человека, – пишет он, – делает для себя одним и тем же тождественное сознание, то от этого одного и зависит тождество *личности*, всё равно связано ли оно с одной индивидуальной субстанцией или может продолжаться в различных субстанциях, следующих одна за другой. Ибо, насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нём, настолько оно и есть *одна и та же личность*. Благодаря осознанию своих теперешних мыслей и действий разумное существо бывает для себя *личностью* теперь; она останется той же самой *личностью* и в будущем, поскольку может простирает то же самое сознание на действия прошедшие или будущие, и не превратиться в две *личности* вследствие интервала во времени или перемены субстанции, как человек не превращается в двух людей оттого, что он сегодня носит не то платье, чем вчера, или оттого, что в промежутке у него был долгий или короткий сон. Одно и то же сознание объединяет в одну и ту же *личность* эти отдалённые действия, какие бы субстанции ни содействовали их совершению» [13, с. 388–389].

Тело может изменить свою форму или свои очертания. Допустим, согласно Локку, человек потерял руку или ногу. Мы всё равно опознаём этого человека, хотя эти части индивида в данном случае отделены

от сознания. Если ввести эту мысль Локка в современный контекст, то проблема окажется не столь ясной. Допустим, можно ли считать одним и тем же человеком индивида, которому трансплантировано новое сердце, вкачана иная кровь или вшита голова от другого существа? Сознание вряд ли остаётся безупречным фактором тождества человека при современных экспериментах преобразования телесности. К тому же далеко не всегда индивид может удерживать в своей психике прошлое, настоящее и будущее. Существуют различные техники, дающие возможность купировать какое-либо состояние, связанное с временной последовательностью.

Локк готов вообразить мыслящую субстанцию и вне телесности. Он задаётся вопросом: «Могут ли быть две различные личности там, где остаётся одна и та же нематериальная субстанция?». Христианин, платоник или пифагореец вполне могут полагать, что одна и та же духовная субстанция вселяется в различные тела. Тут у Локка есть и сомнения. Ведь если душа Сократа располагается в теле другого человека, то можно ли полагать, будто перед нами та же самая личность, что и Сократ? «Таким образом, мы можем без всякого затруднения представить себе тождество личности при воскресении хотя бы в теле, по своему сложению или частям вполне тождественном тем, которые имели здесь. Но всё-таки одной лишь души при смене тел едва ли кому-нибудь достаточно для образования того же самого человека, за исключением тех, кто душу делает человеком. В самом деле, если душа князя, унося с собой сознание прошедшей жизни князя, войдёт в тело башмачника и оживит его сейчас же, как оно будет покинуто своею собственной душой, то всякий видит, что это будет та же самая личность, что и князь, ответственная только за действия князя. Но кто скажет, что это тот же самый человек? Тело также принимает участие в образовании человека и в разбираемом случае, предполагаю я, определяет человека для всех, между тем его душа со всеми своими княжескими мыслями не образует другого человека; этот человек был бы для всех, кроме него самого, тем же самым башмачником» [13, с. 392–393].

Но сведение отождествления личности к отождествлению сознания вовсе не решает проблему, ибо, как показал Юм, в восприятии нельзя найти ничего постоянного. Тождество сознания иллюзорно, личность есть лишь «пучок восприятий», и неизвестно, что служит связующим его шнуром. Д. Юм выступает против того, чтобы приписывать постоянство изменчивым или прерывистым объектам. Представление о чём-то неизменном и непрерывном философ называет фикцией. Однако всё же наделяет этим свойством объекты, состоящие из последовательности частей, связанных друг с другом посредством сходства, смежности и причинности. Но главное – он отрицает в своём «Трактате о человеческой природе» существование личности как некоего духовного единства, тождественного себе на протяжении человеческой жизни.

Локковская и юмовская концепции личности широко известны как классические образцы анализа данной проблемы. Все последующие обращения к проблеме личного тождества тел так или иначе исходят из достигнутых ими результатов, хотя и выраженных ими в негативной форме.

Личность раздроблена и фрагментарна

Что же в процессе идентичности обеспечивает постоянство – личность, духовность, самосознание? Здесь сразу возникает вопрос: что же такое личность? В современной философской литературе это понятие связывают с социализированностью, духовностью или ответственностью. Понятное дело, что индивид, который нарушает законы, ставит себя вне общества, вряд ли заслуживает права именоваться личностью. Однако ошибка таких экспертиз состоит в том, что эти атрибуты личности оцениваются как рядоположенные. Условно говоря, личность ответственна, поэтому и социализирована. А раз она выступает от имени социума, то можно назвать её и духовной. На самом деле эти атрибуты зачастую не выстраиваются в линейку. Социализированность личности может означать предельный и бездумный конформизм. Духовность далеко не всегда предполагает безоговорочную «вписанность» в социум. Сократ, как известно, получил смертный приговор от «имени общества». Всегда ли есть основания отказывать в духовности аскету или отшельнику? Можно ли считать буддиста не личностью только потому, что он сохраняет отстранённость от социальных проблем?

Все эти важнейшие употребления слов в обыденном языке должны найти объяснение в философской концепции личности. По мнению американского философа Артура Данто, локковская концепция неудовлетворительна уже потому, что в его интерпретации понятие личности охватывает лишь малую часть реальной сферы его функционирования. Например, невозможно объяснить, почему физическое нападение квалифицируется как «преступление против личности». Но можно ли считать личностью убийцу, разбойника или диктатора?

Если обыденные употребления слов считать отправной точкой философского исследования, то все редуccionистские программы (типа локковской) принципиально неприемлемы. Многозначность обыденного употребления должна стать основой для определения метафизического смысла понятия личности. А. Данто считает, что именно строссовская концепция личности в наибольшей степени удовлетворяет этому чисто аналитическому требованию.

Сам А. Данто полагает, что самое точное определение личности предложил видный представитель аналитической философии Питер Стросон. Он специально отмечает, как близка концепция Стросона

ко всей концепции личности в обыденном языке. Понятие личности у Стросона отличается новизной. Он наделяет это слово глубоким смыслом, вытекающим из того, что это понятие невозможно помыслить лишь как духовную часть совершенного индивида. По мнению Стросона, данное понятие является первичным и неразложимым. Атрибуция любого человека начинается не с телесности, как полагал З. Фрейд. Нет оснований рассматривать тело как противовес духовности. Всякое опознание индивида начинается с личности как определённой инстанции человека.

В каких значениях употребляется данное слово? В современном языке личность прежде всего – это то, что относится к человеческому существу вообще и противостоит вещи. Личность – это «цель в себе»; ценность вещей зависит от того, в какой мере мы можем их использовать в своих целях; личность не должна использоваться как средство для какой-либо цели. Личность – существо, имеющее юридические права и обязанности. Личность – тот, кто играет социальные роли и выполняет определённые функции. Необходимым условием этих основных смыслов слова «личность» является ещё одно: личность – существо, сознающее своё тождество во времени.

П. Стросон полагает, что в классических концепциях личности тезис о связи телесных состояний с духовными процессами рождает представление, будто они принадлежат одному и тому же субъекту. Но такого субъекта, по мнению П. Стросона, на самом деле нет. Это не что иное, как лингвистическая иллюзия. Именно так определял личность Р. Декарт, фиксируя в ней две различные субстанции – материальную или духовную. По мнению П. Стросона, эти субстанции независимы друг от друга. Каждая из них располагает собственными видами свойств и состояний. Философ считает, что неправомерно вообще приписывать состояния сознания кому бы то ни было. Этот тезис он также называет лингвистической иллюзией.

Согласно квантовой научной парадигме, человек может обнаруживать себя как безграничное поле сознания, способное преобразовать материю, пространство, время и линейную причинность. «Для того чтобы описать человека всесторонним и исчерпывающим способом, мы должны принять парадоксальный факт, что он есть одновременно и материальный объект, т. е. биологическая машина, и обширное поле сознания» [6, с. 92].

По мнению П. Стросона, действительным коррелятом картезианского «Я» оказывается не индивидуальная личность, а субстанция чистого сознания. Именно эту субстанцию и пытался отыскать Д. Юм. Она на самом деле была выявлена И. Кантом в понятии трансцендентального единства апперцепции. Где же выход? Стросон видит его в том, чтобы признать первичность понятия личности. Он пишет: «Под понятием личности я имею в виду понятие сущности такого типа, что и преди-

каты, приписывающие состояния сознания, и предикаты, приписывающие телесные характеристики, и физическую ситуацию и т. д., равно приписываемые простой индивидуалии этого простого типа» [25, р. 58].

В результате этих рассуждений личность рассматривается в основном апофатически. Её нельзя понимать как соединение двух типов субъектов: субъекта состояний сознания и субъекта телесных атрибутов. Личность нельзя также помыслить как вторичный тип сущности по отношению к двум первичным, а именно отдельному сознанию и отдельному человеческому телу. Предикаты приписываемых состояний сознания и предикаты приписываемых телесных атрибутов должны мыслиться как приписываемые самой личности.

Личность в ситуации дробления

В наши дни происходит девальвация и десакрализация личности. Д. Рисмен отметил, что сегодня наибольшим спросом пользуется не сырьё и не машина, а личность. В условиях потребительского общества индивид стремится повысить свой статус. Таков парадокс отчуждения: живой выбор воплощается в мёртвых различиях; прибегая к ним, наш проект становится самоотрицающим и несбыточным. В акте персонализированного потребления субъект, от которого требуется быть субъектом, всего лишь производит сам себя как объект экономического спроса. Его проект, заранее отфильтрованный и раздробленный социоэкономической системой, опровергается тем самым жестом, которым его стремятся осуществить.

Поскольку постмодернистское сознание утверждает признание и принятие множественности и относительности во всех случаях, то личность подвергается дроблению и десакрализации. Присущая ей внутренняя множественность мешает ей проявить чуткость и открытость по отношению к другим людям. Личность поневоле оказывается асоциальной. Вместо искомого постоянства индивид обнаруживает стремление соответствовать общественной конъюнктуре. Ему трудно обеспечить внутреннюю согласованность собственных ипостасей.

Можно ли говорить о том, что данный индивид является тем же самым человеком, которым он был год назад, день назад, минуту назад? Иначе говоря, что же всё-таки позволяет нам отличать одного человека от другого? Чем определяется хотя бы условное постоянство личности? И тут рождается ещё одно соображение. Личность – это тот, кто способен обеспечить себе единство во времени. Иначе говоря, в отличие от «человека без свойств» личность способна не только обрести ценные качества, но и сохранить их в течение конкретного промежутка времени.

Однако такой критерий оказывается предельно условным. Какие духовные богатства должна хранить личность? Как это соотносится с тезисом о постоянном личностном развитии? Представление Э. Эриксона сводится к тому, что индивид, которому суждено освоить и принять са-

мые различные идентичности на протяжении своей жизни, наконец обретает прочную самоидентичность. Это и есть единство во времени? Но ведь сам факт устоявшейся идентичности ничего не говорит о качестве этой самоидентичности. Компоненты индивида неспособны продвигаться в одном направлении. Приращение духовности может совмещаться с разрушением телесности. Успешная социализированность может парализовать духовное развитие.

Так обнаруживается клубок противоречивых состояний, который исключает гармоничное единство. В личности проступает три измерения времени: прошлое, настоящее и будущее. Ж. Делёз пишет о том, что Я – этот другой. Я живёт во времени, изменяясь, и одновременно Я – это акт, осуществляющий синтез времени, разделяющий каждый момент на настоящее, прошлое и будущее. Я не совпадает с *ego*. Форма внутреннего чувства означает, что время внутренне для нас, что это чувство раскалывает нас непрерывно [10, с. 458].

В наши дни люди, как выясняется, не хотят быть самими собой, а ищут другую расу, нацию, гендер. Индивиды то и дело тяготеют собственным полом, мечтают изменить его. Часто встречаются в современной культуре женоподобные мужчины и маскулинные женщины. Белый человек хочет быть африканцем, негр мечтает быть белым. Не редкость сегодня межэтнические браки, религиозная толерантность, которая «изживает» страстную привязанность к собственному культу. Возникают трудности при определении собственной идентичности, когда зыбким оказывается голос крови, почвы или культуры.

Ж. Бодрийяр охарактеризовал этот процесс как оргию различий [3, с. 183]. Он пишет: «Однажды пройдя по ту сторону зеркала отчужденности (стадия зеркала составляет наслаждение нашего детства), структурные различия быстро и нескончаемо распространяются в моде, смертью» [3, с. 183]. Отличия одного человека от другого, индивида от личности, мужчины от женщины подчиняются теперь законам рынка, согласуются со спросом и предложением. Теперь не так-то просто показать, чем отличается одна раса от другой. То, что, к примеру, Кант приписывал разности национальной специфики, нередко теряет свою определенность. Стёрлась несводимость жизни и смерти. Трансгуманисты обещают скорое бессмертие. Условным стало и понятие нищеты. Современный нищенствующий субъект мог бы показаться богачом людям минувших эпох. Отличие приобрело, по словам Ж. Бодрийяра, характер психодрамы, социодрамы, семиодрамы, мелодрамы.

Постмодернисты заговорили и о нулевой идентичности. Всё чаще нам встречается «человек без свойств» (Р. Музиль), индивид с неразвитым сознанием и психикой, что нередко создаёт трудности для атрибуции конкретных людей. Таким образом, концепция идентичности за несколько веков от Нового времени до наших дней претерпела кардинальные преобразования. От трактовки личности она перешла к анализу дивидуума.

Список литературы

1. Алейник Р.М. Человек в философском постмодернизме. М.: МИК, 2006. 224 с.
2. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 577 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: ДОБРОСВЕТ, Изд-во «КДУ», 2006. 258 с.
4. Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014. 304 с.
5. Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2014. 244 с.
6. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Изд-во АСТ [и др.], 2002. 497 с.
7. Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Человек в поисках идентичности. Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и В.В. Глостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 63–87.
8. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
9. Делёз Ж. Различие и повторение / Пер. с франц. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
10. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Пер. с франц. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
11. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело, 2014. 526 с.
12. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
13. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / Под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1985. 623 с.
14. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 2 / Под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1985. 560 с.
15. Музиль Р. Человек без свойств / Пер. С. Апт. М.: Азбука, 2015. 1088 с.
16. Никишенков А. История британской социальной антропологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 496 с.
17. Орлова Э.А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Человек в поисках идентичности. Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и В.В. Глостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 87–111.
18. Самохвалова В.И. К пониманию человека и его человеческой идентичности // Полигнозис. 2009. № 2. С. 89–102.
19. Стросон П. Индивидуальность. Опыт дескриптивной метафизики / Пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. Иммануила Канта, 2009. 328 с.
20. Глостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Человек в поисках идентичности. Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и В.В. Глостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 191–217.

21. Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина; науч. ред. Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 807 с.

22. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.

23. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта [и др.], 2006. 341 с.

24. Юм Д. О человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели. СПб.: Азбука, 2001. 314 с.

25. *Strawson P.F. Individuals. An essay in descriptive metaphysics.* L.: Methuen, 1961. 255 p.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: gurevich@rambler.ru

FROM JOHN LOCKE TO JEAN BAUDRILLARD: CRITICAL NOTES ON THE IDENTITY

The article reveals a difference in the interpretation of the concept of identity in classical and postmodern philosophy. The author shows that this theme has appeared in the history of European philosophy after the publication of the works of J. Locke and D. Hume. The complexity of the problem is that it involves two opposite conditions – identity and changeability. Locke interprets identity as some substance or a set of specific characteristics, which possess a certain regularity. Therefore, you can evaluate the classical version of identity as a variant of the philosophical consciousness of modern age, especially clearly represented in educational philosophy. This approach is consistent with the general cognitive aim of classical philosophy – to find behind the number of differences a certain identity. Locke shows the complexity and multidimensionality of the problem, especially inconsistent cognition of objects, living creatures and finally human himself. He notes that in inanimate nature and even in the animal kingdom, the identity often is obvious and intact. However, in relation to the man these statements lose their value. First, man is conscious and endowed with a complex structure.

Really, what is the basis of human identity? According to Freud, such foundation is the body. However, man is still the soul and spirit. They can also serve as indicators of human identity. In other words, the man is original, unique. To analyze a particular person by the same standards is impossible. For example, you can conceive the identity of only one soul in different people. However, according to Locke nothing prevents the same individual spirit to connect with different bodies. The philosopher is critical to the idea of metempsychosis. Even if we admit such transformation of a man into animal, no one would ever consider, for example, the pig human. The identity of

a person is determined by different components (body, soul, spirit), and these components are difficult to combine and, therefore, any identity can appear fragile, ephemeral, contradictory. John Locke, however, is concerned not so much with the difference of the components of the idea of a man as with finding their identities. The criterion for such bonding is according to Locke the notion of personality.

The author shows that in the historical-philosophical tradition developed two criteria for determining the identity of man. According to the first criterion, a necessary and sufficient condition is corporal identity, according to the second criterion – the identity of consciousness states. In most cases, these criteria complement each other. However, conflicting situations are possible (for example, a “body exchange” between a cobbler and a prince, described by Locke). Then the question arises, what criterion, corporal or spiritual, takes precedence?

Locke and Hume’s concepts of personality are widely known as the classic examples of the analysis of this problem. All subsequent applications to the problem of individual sameness of the bodies come from their achievements, though expressed by them in a negative form.

The article raises the question: what ensures the consistency in the identity process – personality, spirituality, consciousness? In modern philosophical literature, the concept of personality is associated with socialization, spirituality or responsibility. It is clear that the individual, who breaks the law, puts himself outside the society, hardly deserves the name of “personality.” However, the error of such examinations is that these personality’s attributes are assessed as associated. Relatively speaking, the personality has responsibility, and therefore, has socialization. Moreover, if it acts on behalf of the society, then you can call it spiritual. In fact, these attributes often are not arranged in a line. Socialization of personality can mean the ultimate and mindless conformism. Spirituality does not always imply the unconditional “fit” into society. Socrates, as you know, has obtained the death sentence “on behalf of society”. Is there reason to deny the spirituality of an ascetic or a hermit? Can we consider a Buddhist to be “non-person” only because he avoids social problems?

The author also discusses the concept of Peter Strawson, a prominent representative of analytical philosophy. The article analyzes different interpretations of personality. In modern language, the personality is something that applies to human beings in general and opposes to thing. The personality is a “goal in itself”; and the value of things depends on using them for our purposes; the personality should not be used as an instrument for any purpose. The personality is a being with legal rights and duties. The personality is the one who plays the social role and performs certain functions. Another necessary condition for these basic meanings of the word “personality” is the following: a personality is a being, which is conscious of its identity through time.

The article points at the desacralization and devaluation of the personality as a character of our epoch. Since postmodern consciousness affirms the acceptance of plurality and relativity in all circumstances, the personality is crushed and desacralized. Inherent internal multiplicity prevents it from exercising its sensitivity and openness to other people. The personality inevitably becomes asocial. Instead of the desired consistency, the individual reveals the desire to fit into social conjuncture. It is difficult for him to ensure the internal coherence of his own images. Can we say that the given individual is the same person he was a year ago, a day ago, a minute ago? In other words, what allows us to distinguish one person from another? What determines the conditional consistency of the personality? And here comes another consideration. The personality is able to secure its unity through time. In other words, unlike the “man without qualities”, personality is able not only to gain valuable qualities, but also to keep them within a certain time.

The article also notes that in our days people do not want to be themselves, they are looking for another race, another nation or gender. Individuals are tired from their own gender, they dream to change it. You can often meet effeminate men and masculine women in contemporary culture. A white man wants to be an African; a black wants to be white. Inter-ethnic marriages are not uncommon, religious tolerance overcomes the passionate attachment to one's own cult. In case of defining own identity, when the voice of the blood, of the earth or of the culture is shaky arise difficulties. Postmodernists are talking about the “zero-identity”. Increasingly we found a “man without qualities” (Musil), the individual with undeveloped consciousness and psychics, that often creates difficulties for attribution of certain people.

Keywords: human nature, identity, identity, impermanence, body, soul, spirit, consciousness, personality, socialization

References

1. Aleynik, R. *Chelovek v filosofskom postmodernizme* [Man in the Philosophical Postmodernism]. Moscow: MIK Publ., 2006. 224 pp. (In Russian)
2. Baudrillard, J. *Prozrachnost' zla* [The Transparency of Evil]. Moscow: Dobrosvet Publ., 2006. 258 pp. (In Russian)
3. Baudrillard, J., Jaspers, K. *Prizrak tolpy* [The Ghost of the Crowd]. Moscow: Algoritm Publ., 2014. 304 pp. (In Russian)
4. Bibikhin, V. *Uznai sebya* [Recognize Yourself]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. 577 pp. (In Russian)
5. Deleuze, G. *Empirizm i sub'ektivnost': opyt o chelovecheskoi prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and Subjectivity: the Experience of Human Nature according to Hume. Critical Philosophy of Kant's Doctrine of the Faculties. Bergsonism. Spinoza]. Moscow: PER SE Publ., 2001. 480 pp. (In Russian)

6. Deleuze, G. *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition], trans. by N. Man'kovskaya and E. Yurovskaya. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1998. 384 pp. (In Russian)
7. Erikson, E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis], ed. by A. Tolstykh. Moscow: Flinta Publ., 2006. 341 pp. (In Russian)
8. Girenok, F. *Figury i skladki* [Figures and Folds]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2014. 244 pp. (In Russian)
9. Grof, St. *Za predelami mozga: Rozhdenie, smert' i transtsendentsiya v psikhoterapii* [Beyond the Brain: Birth, Death and Transcendence in Psychotherapy]. Moscow: AST Publ., 2002. 497 pp. (In Russian)
10. Gurevich, P. "Problema identichnosti cheloveka v filosofskoi antropologii" [The Problem of Identity of Man in Philosophical Anthropology], *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh* [Questions of Social Theory: Scientific Almanac], ed. by Yu. Reznik, M. Tlostanova, vol. IV. Moscow: Association "Interdisciplinary Society of Social Theory" Publ., 2010, pp. 63–87. [<http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/04.pdf>, accessed on 05.11.2015]. (In Russian)
11. Gurevich, P., Spirova E. *Identichnost' kak sotsial'nyi i antropologicheskii fenomen* [Identity as a Social and Anthropological Phenomenon]. Moscow: Kanon+ Publ., 2015. 368 pp. (In Russian)
12. Höfle, V. "Krizis individual'noi i kollektivnoi identichnosti" [The Crisis of Individual and Collective Identity], *Voprosy filosofii*, 1994, no 10, pp. 112–123. (In Russian)
13. Hume, D. *O chelovecheskoi prirode* [About Human Nature], trans. by S. Tsereteli. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2001. 314 pp. (In Russian)
14. Kutyrev, V. *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kissing. Man as a Tradition]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2015. 312 pp. (In Russian)
15. Locke, J. *Sochineniya*, 3 t. [Collected Works, 3 vols.], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 623 pp. (In Russian)
16. Locke, J. *Sochineniya*, 3 t. [Collected Works, 3 vols.], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 560 pp. (In Russian)
17. Musil, R. *Chelovek bez svoistv* [The Man without Qualities], trans. by S. Apt. Moscow: Azbuka Publ., 2015. 1088 pp. (In Russian)
18. Nikishenkov, A. *Istoriya britanskoi sotsial'noi antropologii* [The History of British Social Anthropology]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2015. 496 pp. (In Russian)
19. Orlova, E. "Kontseptsii identichnosti / identifikatsii v sotsial'no-nauchnom znanii" [The Concepts of Identity / Identification in Social Scientific Knowledge], *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh* [Questions of Social Theory: Scientific Almanac], ed. by Yu. Reznik, M. Tlostanova, vol. IV. Moscow: Association "Interdisciplinary Society of Social Theory" Publ., 2010, pp. 87–111. (In Russian)
20. Samokhvalova, V. "K ponimaniyu cheloveka i ego chelovecheskoi identichnosti" [To Understanding of Man and His Human Identity], *Polignozis*, 2009, no 2, pp. 89–102. (In Russian)
21. Strawson P.F. *Individy. Opyt deskriptivnoi metafiziki* [Individuals. An essay in descriptive metaphysics], trans. by V. Bryushinkin, V. Chalyi. Kaliningrad: Publishing House of Immanuel Kant Russian State University, 2009. 328 pp. (In Russian)

22. Strawson, P.F. *Individuals. An essay in descriptive metaphysics*. L.: Methuen, 1961. 255 pp.

23. Tlostanova, M. "Chelovek v sovremennom mire: problemy mnozhestvennoi identichnosti" [Man in the Modern World: Problems of Multiple Identities], *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh* [Questions of Social Theory: Scientific Almanac], ed. by Yu. Reznik, M. Tlostanova, vol. IV. Moscow: Association "Interdisciplinary Society of Social Theory" Publ., 2010, pp. 191–217. (In Russian)

24. *Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. Kyubileyu* [The Toposes of the Philosophy of Natalia Avtonomova. For the Anniversary], ed. by B. Pruzhinin, T. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 807 pp. (In Russian)

25. Žižek, Slavoj. *Shchekotlivyi sub'ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii* [The Ticklish Subject: the Absent Centre of Political Ontology]. Moscow: Delo Publ., 2014. 528 pp. (In Russian)